

ждения. Но так как автор не имеет возможности их комментировать, они остаются непонятными намеками. В самом деле, что почерпнет читатель из сообщения о том, что в позднетрипольских домах «жили отдельные патриархальные семьи скотоводов. еще не разросшиеся» (стр. 79).

Выше уже отмечались положительные стороны главы, посвященной древним славянам (гл. XI). В ней говорится и о том, что «со славянами генетически связаны уже в древности и племена Верхней Волги» (стр. 190). Важность этого положения очевидна. Однако обосновано оно одной только ссылкой на результаты раскопок городища Березняки. Между тем интерпретация интереснейших материалов Березняков была в свое время проведена, исходя из положений «теории стадильности» Марра и с тех пор не пересматривалась. Поэтому представляется совершенно необходимым хотя бы краткое критическое рассмотрение этого вопроса, имеющего большое значение для истории заселения Верхнего Поволжья славянскими племенами.

Не будем останавливаться на более мелких замечаниях, касающихся скорее неудачных выражений, хотя и вызывающих иногда законное недоумение. Зачем, например, палеолитические облавные охоты объявлены автором «единственным способом истребления крупных животных» (стр. 31)? Можно подумать, что перед палеолитическим человеком вставала парадоксальная задача — истребить животных, которыми он питался!

Книга А. В. Арциховского на этот раз иллюстрирована. Подбор рисунков и их выполнение за редким исключением (см., например, сарматский меч на рис. 50, имеющий вид какого-то гвоздя) вполне удовлетворяют задаче помочь студенту при усвоении археологического материала. Можно только пожелать, чтобы при дальнейшем переиздании книги количество рисунков было увеличено и, в частности, даны были изображения и чертежи, позволяющие судить об основных приемах раскопок и о составлении археологической карты разведок.

Весьма положительным является наличие в конце книги обстоятельной библиографии, позволяющей читателям самостоятельно расширить свои знания по археологии СССР.

В заключение нужно сказать, что новая книга А. В. Арциховского, несомненно, будет способствовать дальнейшему успешному развитию советской археологической науки и поможет широким массам студентов-историков овладеть основными положениями этой дисциплины, имеющей столь важное значение для глубокого изучения истории народов СССР. Ясное и весьма доступное изложение этой книги привлечет к ней и всех тех, кто интересуется историей нашей великой Родины.

С. В. Киселев

*ОБЗОР СТАТЕЙ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДИНСТИТУТОВ**

За последние годы статьи по различным разделам истории стали все чаще появляться в периодических научных изданиях периферийных вузов, что служит свидетельством общего подъема научной работы в вузах и показателем улучшения качества преподавания истории. Научная работа преподавателя неразрывно связана с его педагогической деятельностью, так как нельзя представить историка, успешно читающего курс и не ведущего научной работы.

* В обзоре рассматриваются Ученые записки, вышедшие с 1951 по 1953 гг., и частично некоторые, не вошедшие в предшествующие обзоры. См. ВДИ, 1951, № 4; ранее: ВДИ, 1948, № 2.

Рецензируемые статьи по древней истории в «Ученых записках» и «Трудах» вузов посвящены важным проблемам и вопросам: в них рассматриваются общие проблемы рабовладельческой формации, история непосредственных производителей в древнем мире, вопросы идеологии рабовладельческого общества. Значительное место занимает исследование древней и древнейшей истории нашей Родины. Для многих работ характерно глубокое знакомство с первоисточниками и критическое отношение к буржуазной историографии.

Следует, однако отметить, что в рецензируемых статьях критикуются работы буржуазных историков преимущественно прошлого столетия, а анализ концепций современной буржуазной историографии, как правило, отсутствует. Обращает на себя внимание также отсутствие работ по методике преподавания древней истории в вузах и проведения семинарских занятий.

Появление в Ученых записках студенческих работ по древней истории свидетельствует о подъеме научной работы студентов в вузах, хотя, как покажет разбор этих статей, здесь имеются еще значительные недочеты.

Выпуск «Ученых записок» и «Трудов» университетов и педагогических институтов, к сожалению, происходит нерегулярно. Между сдачей статьи и ее опубликованием лежит большой срок, иногда в 2—3 года. Все это приводит к тому, что из поля зрения авторов выпадает новая литература по исследуемому вопросу и статья неизбежно оказывается устаревшей.

Наблюдается дублирование отдельных тем, что имеет, по видимому, своей причиной отсутствие в системах Министерства просвещения РСФСР и Министерства культуры СССР соответствующего печатного органа, который обобщал бы опыт издания Ученых записок и оказывал помощь преподавателям периферийных вузов квалифицированным разбором их статей.

УЗ ЛГУ, № 115, Факультет народов Севера, вып. 1, 1950. Статья Н. Н. Гуриной «Основные этапы древнейшей истории Кольского полуострова по данным археологии» (стр. 38—56) содержит краткую историю археологического изучения Кольского полуострова. Обобщая накопленные факты, автор выделяет основные этапы исторического развития первобытных племен Кольского полуострова: 1) палеолит, 2) энеолит, 3) период раннего металла, 4) период позднего металла. Автор подробно исследует интереснейший памятник арктического энеолита, так называемые «лабиринты» — наземные сооружения из небольших камней, выложенные в форме концентрических кругов, и связывает их с простейшими рыболовными ловушками, известными у современных северных народов. Н. Н. Гурина полагает, что «лабиринты» служили для задержки рыбы, заходящей в них во время приливов. Этот вывод звучит более убедительно, чем предположения других советских и зарубежных исследователей, видевших в «лабиринтах» религиозные сооружения, посвященные культу предков. Н. Н. Гурина высказывает предположение, что поселенцы периода раннего металла пришли на Кольский полуостров из северо-восточной Карелии.

Значительный научный интерес представляет статья Н. А. Береговой «О путях и следах заселения человеком Аляски» (стр. 57—63). На основании новых археологических данных автор показывает, что заселение Америки в древности происходило из северо-восточных областей Советского Союза, через Берингов пролив.

УЗ ЛГУ, Серия факультета народов Севера, вып. 2, 1953. Серьезным вкладом в изучение исторического прошлого народов арктического пояса является статья А. П. Окладникова «Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы». Сравнивая наскальные изображения, изделия из кости и камня, керамику арктической Европы с соответствующими памятниками азиатского Севера, автор всесторонне прослеживает в них черты сходства и взаимной близости. В объяснении этого сходства автор исходит не столько из наличия общности экономических и природных условий, как это делалось другими советскими исследователями, сколько из общего происхождения народов арктического пояса Азии и Европы. Связи народов северной Скандинавии с народами азиатского Севера восходят, по мнению автора, к эпохе неолита,

но более прочными они становятся в эпоху бронзы. Интересно предположение А. П. Окладникова, в достаточной степени обоснованное археологическим материалом, что элементы культуры в арктическом поясе распространялись в направлении с востока на запад.

УЗ ЛГУ, № 128, Серия востоковедческих наук, вып. 3, 1952. Статья чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской «Сирийский законник» (стр. 52—63) содержит историю открытия этого интереснейшего и малоизвестного юридического памятника V в. н. э. Автор исследует также затронутые в нем разнообразные вопросы судебно-законодательной практики. Н. В. Пигулевская соглашается с мнением исследователей «Законника», что основной частью его является римское доюстиниановское провинциальное законодательство. В работе подробно характеризуются статьи «Законника», регламентирующие положение рабов и колонов, и вскрывается сущность законодательства периода Поздней римской империи, стоящего всецело на защите старого, рабовладельческого базиса. Н. В. Пигулевская прослеживает влияние «Сирийского законника» на законодательство народов Ближнего Востока в феодальную эпоху, главным образом, на законодательство арабов.

Работа Н. В. Пигулевской представляет значительный вклад в изучение социальных отношений и экономики восточных римских провинций в период Поздней империи. С этой точки зрения статья интересна также и историкам-византистам.

Наукові записки Львівського державного університету імені Івана Франка, т. XVII, серія історична, 1949. Статья И. И. Вейцковского «Римско-тарентийский конфликт 282—281 гг. до н. э.» (стр. 168—186) посвящена последнему этапу завоевания Римом Италии. Автор дает новую интерпретацию событий, последовавших непосредственно за известным нападением тарентийского демоса на римские корабли в гавани Тарента. Автору хорошо знакома литература вопроса. Убедительной критике подвергнуты труды буржуазных ученых, идеализировавших римскую внешнюю политику, выставлявших Рим «вестником мира» и возлагавших всю ответственность за возникновение войны на «безрассудную и бессовестную тарентийскую чернь».

Возникновение конфликта И. И. Вейцковский считает результатом «противоречий между Римом и Тарентом, обострившихся по мере усиления римской экспансии в южной Италии, особенно в районах, представлявших жизненный интерес для тарентийской демократии» (стр. 186).

Этот вывод не вызывает возражения, в отличие от другого, согласно которому «римско-тарентийский конфликт не был обычным конфликтом, которые часто возникали между рабовладельческими государствами. Его характеризовали социальные мотивы». Однако выступление демократии против Рима и ориентация на Рим аристократических элементов рабовладельческих государств, а иногда и союз с ним, вопреки утверждению Вейцковского, — обычная картина. Что же касается социальных мотивов римско-тарентийского конфликта, то предлагаемые автором выводы не содержат ничего нового по сравнению с тем, что уже выяснено советскими историками, изучавшими международные отношения этого и последующего столетий. Подлинное выяснение «социальных мотивов» римско-тарентийского конфликта было бы возможно лишь в случае, если бы автор расшифровал понятие «тарентийская демократия», выяснил ее социальное лицо и особые, возможно экономические, интересы, заставлявшие отдельные ее слои наиболее решительно выступать против Рима. Автор даже не поставил перед собой подобной задачи, чем в значительной мере обесценил свое исследование.

Понимание «социальных мотивов» событий 282—281 гг. немислимо без выяснения требований различных социальных группировок не только в Таренте, но и в Риме. Автор опустил эту важную сторону, ограничившись лишь замечанием, что «Рим не был монолитным, но демократические элементы римского гражданства не имели большого влияния на римскую внешнюю политику» (стр. 182).

УЗ БГУ, вып. 10, серия историческая, Минск, 1950. Статья Г. М. Лившица «Политическая борьба в Риме накануне заговора Катилины» (стр. 211—237) освещает события 66—63 гг. до н. э. Работа выделяется среди многочисленных исследований за-

говора Катилины, появившихся за последние годы в Ученых записках периферийных вузов, широтой привлеченного материала источников.

Исследуя заговор Катилины в связи с социальной и политической историей предшествующих лет, автор сделал ряд интересных наблюдений. Удачно освещены в статье судебный процесс над Катилиной 65 г. до н. э. и острая борьба вокруг аграрного закона Сервилия Рулла. Правильно показана роль в эти годы реакционного союза сенаторов и всадников, выступавшего под лозунгом *concordia ordinum*.

В статье большое место занимает полемика. К сожалению, автор полемизирует лишь с буржуазными учеными прошлого столетия — Друмманом, Нейманом, Нибуром и не критикует труды современных буржуазных историков. Недочетом работы Г. М. Лившица является также то, что автор мало остановился на задолженности в римском обществе того времени, которая делает понятным выдвижение Катилиной лозунга *tabulae novae*.

УЗ БГУ, Юбил. выпуск, 1951. Статья Ф. М. Нечая «Некоторые вопросы восстания италийского крестьянства в начале Союзнической войны в Риме» (стр. 124—148) исследует важный момент в истории римской республики. В статье затронуты вопросы хронологии Союзнической войны, подробно освещен ее ход и выяснен ее характер. Автор отметил сложный социальный состав восставших: с одной стороны — италийское крестьянство, для которого на первом месте стоял аграрный вопрос — борьба за землю, отнятую римскими колонистами; с другой стороны — население италийских городов, для которых основным требованием было приобретение прав римского гражданства и связанных с ним экономических и политических преимуществ. Удовлетворение Римом требования городского населения внесло раскол в ряды восставших и послужило началом нового этапа Союзнической войны, в котором принимало участие теперь лишь одно крестьянство.

Указав на мотивы предоставления Римом гражданских прав союзникам, автор, однако, не выяснил значения приобретения гражданских прав населением италийских городов в исторических судьбах Римского государства.

Трудно также согласиться с трактовкой, данной автором закону Юлия Цезаря 90 г. до н. э. (стр. 142). Принимая версию Веллея Патеркула о содержании этого закона и оставляя в стороне свидетельство о нем Аппиана и Цицерона, автор тем самым закрывает путь к пониманию последующего, более радикального закона Плавция Папирия. Сообщению Цицерона, современника Союзнической войны, повидимому, в этом вопросе можно больше доверять, чем данным Веллея Патеркула.

Київський Державний університет імені Т. Г. Шевченка, VIII наукова сесія, Секція історії, тези доповідей, 1951.

В тезисах доклада М. Д. Мелашенко «Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник» указывается на значение этих сооружений для социально-экономической жизни и политической истории Ольвии. Автор касается также вопроса о времени расцвета и упадка Ольвии, о связях греков Ольвии с местным населением, имевших большое значение в экономической жизни города.

Доклад Н. Н. Бондаря «Торговля Ольвии со Скифией в VI—IV вв.», насколько можно судить по тезисам, содержит подробную характеристику торговых отношений греков и скифов на основании литературных и археологических источников. Автор отмечает посреднический и меновой характер торговли Ольвии.

Тезисы доклада Г. Г. Винницкой «Местные терракоты Ольвии как исторический источник» свидетельствуют о серьезной работе по обобщению данных об ольвийских терракотах. 75% всех терракот, найденных в Ольвии, изготовлены в самом городе Ольвии. Интересны наблюдения Г. Г. Винницкой над тематикой ольвийской керамики в различные периоды ее истории.

Доклад Б. Е. Радзиковского «Экономические воззрения древнего мира» содержит характеристику взглядов Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Катона, Варрона и Колумеллы по вопросам труда, обмена, накопления, прибыли, рабства. Автор поставил своей целью выяснить экономические взгляды древности, содействующую

щие укреплению и оформлению рабовладельческого базиса. Однако, основываясь на тезисах доклада, можно полагать, что экономические воззрения древнего мира изложены автором статически.

Труды Тбилисского ГУ им. Сталина, т. XXXVII, Тбилиси, 1949. Вопросам древней истории в настоящем выпуске посвящена статья Ак. Урушадзе «О связи Лемноса с Колхидой» (стр. 241—251). Древнейшим населением Лемноса греческие авторы называют племя синтийцев, которых сменили потом тиррены, а затем карийцы. Можно согласиться с Ак. Урушадзе, когда он говорит о позднем появлении греков на Лемносе. Но его попытка установить этническую связь синтийцев с грузинскими племенами, опираясь на некоторые данные мифологии и на сомнительное сходство слова *σιντιες* со словами грузинского языка, представляется неверной. Ак. Урушадзе не использует в своей работе данных археологии, без которых невозможно дать ответ на вопрос о существовании связей между древнейшим населением островов Эгейского моря с восточным побережьем Черного моря.

УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. LXXII, Кафедра классической филологии, вып. 3, М., 1953. В данном выпуске помещены работы: А. Ф. Лосева¹ «Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии», Н. А. Тимофеевой «Гражданская лирика Катулла» (стр. 213—225) и Г. А. Сонкиной «Римское общество в сатирах Горация» (стр. 229—243).

Работа Н. А. Тимофеевой посвящена исследованию политических мотивов в творчестве Катулла. Автор привлёк обширный материал источников и в ряде случаев удачно показал отношение поэта к злободневным политическим событиям. Критике подвергнуты работы буржуазных исследователей творчества Катулла, видящих в эпиграммах поэта против Мамурры и других цезарианцев проявление лишь личной неприязни поэта (стр. 219).

Однако в характеристике эпохи автор допускает неточности или ошибки (стр. 213). Так, например, к числу многочисленных противников старой римской аристократии автор относит «провинциальное население сельских общин, требующее прав гражданства» (стр. 215). Если автор имеет в виду права римского гражданства, то неверно, что в конце республики сельское население провинции выдвигало подобное требование. С требованием прав римского гражданства выступала некоторая часть городского провинциального населения. Неточно также определение автором публиканов как «римских негоциантов». Нельзя рассматривать, как это делает автор, римское всадничество конца республики как единую в социальном отношении массу. Новое всадничество — муниципальная знать — выступало на стороне Цезаря — основателя империи. Старое всадничество блокировалось с аристократией, стоявшей за сохранение республики. Автор считает, что в творчестве Катулла «слышится голос всей той социальной группы провинциальных небогатых рабовладельцев, которая уходила с исторической сцены Рима, вытесняемая крупными латифундиатами и магнатами-негоциантами» (стр. 218). Хотя Катулл и родился в цизальпийской Галлии, его никак нельзя отнести к провинциалам: его родной город Верона пользовался такими же правами, как и другие города Италии. Мнение автора, что провинциальная рабовладельческая аристократия в конце республики уходила с исторической сцены, глубоко ошибочно.

Представляется очевидным, что Катулл принадлежал по своему происхождению к муниципальной знати, т. е. к тому же социальному кругу, к которому принадлежали Мамурра и многие другие цезарианцы. Автору следовало объяснить причину враждебного отношения Катулла к цезарианцам, изучив связи поэта и его социальное окружение. Известно также, что в последние годы жизни Катулл примирился с Цезарем.

¹ Исследование А. Ф. Лосева занимает большую часть выпуска и, по моему мнению, должно служить предметом специальной рецензии.

Н. А. Тимофеева, как нам кажется, идеализирует Катуллу, представляя его искренним и принципиальным противником произвола и насилия. В разбираемой автором эпиграмме, направленной против Меммия, пропретора Виѳинии, нет и намек на протест со стороны Катуллы против политики Цезаря и его клеветов. Поэт лишь возмущен тем, что претор разбогател, а свита, в том числе и сам Катулл, вернется домой, «не разжирев».

Статья Г. А. Сонкиной «Римское общество в сатирах Горация» отличается тем же недостатком, что и работа Н. А. Тимофеевой: упрощенным, а зачастую и неправильным пониманием эпохи, в которой развивалось творчество поэта. Автор полагает, что в сатирах Горация отражена «эпоха Августа» (стр. 231). Если и можно условно назвать «эпохой Августа» время от битвы при Акци до смерти Августа, то годы создания сатир Горация никак не ограничиваются этим периодом. Не случайно, например, в сатирах отражены события, имевшие место в провинциях, находившихся под властью республиканцев. В это десятилетие происходила лишь борьба за утверждение империи, исход этой борьбы, а тем более победитель, не был еще виден ни Горацию, ни его современникам.

Отношение самого Горация и его современников к социально-политическим проблемам выявляется не только на основании сатир, но и по одновременно написанным эподам, поэтому следовало ожидать, что в какой-то мере автор использует и материал эпод, например, образ ростовщика Альфия (II эпод), мечтающего о спокойной сельской жизни и собирающего в течение всего месяца проценты будто бы для покупки поместья, а к календам пускающего деньги вновь в оборот.

Утверждение автора, что через все сатиры проходит образ владыки Рима — Августа, является вдвойне неточным: Октавиану в сатирах уделено немного внимания, причем в то время он не носил еще титула «Август».

В работе Г. А. Сонкиной немало интересных замечаний и характеристик социальных типов, созданных Горацием. К сожалению, изложение не носит достаточно систематического характера.

УЗ Тульского пединститута, вып. 3, 1952. Небольшая статья Ю. Н. Троицкого «Гораций в оценке русских революционеров-демократов» (стр. 178—190) является интересным литературоведческим исследованием. Наши учебники по античной литературе не всегда отмечают значение высказываний и заметок великих русских революционеров-демократов о литературном наследии древних. Ю. Н. Троицкому удалось показать, что в оценке римской литературы и творчества Горация русские революционеры-демократы опередили современное им западное литературоведение.

Исследуя высказывания В. Г. Белинского, статью Н. Г. Чернышевского «К. Гораций Флакк, в переводе А. Фета», статью Н. А. Добролюбова «Сатиры Квинта Горация Флакка», Ю. Н. Троицкий отмечает как общее для всех этих работ — критический подход к классическому наследию, отсутствие идеализации древней истории, характерной для трудов западных ученых, отрицательное отношение в Горацию, как к апологету императорской власти, родоначальнику «чистой поэзии», проповеднику политической пассивности и умеренности. Автором показана идейная борьба между русскими революционерами-демократами и воинствующими защитниками «чистого искусства», видевшими в творчестве Горация средство для проповеди монархических идей и отвлечения молодежи от борьбы за освобождение народа.

Отмечая положительные стороны анализа творчества Горация, данного русскими революционерами-демократами, автор в то же самое время указывает на существенный недостаток их метода исследования творчества Горация: отсутствие конкретно-исторического подхода к его творчеству, понимания классовых позиций Горация. Повидимому, автору следовало сопоставить отношение их и к творчеству современников Горация — Вергилия и Овидия.

УЗ Вологодского пединститута, Вологда, 1951. Две работы по древней истории принадлежат Н. Х. Юдикису. В первой из них — «Маркс и Энгельс о некото-

рых вопросах истории древнего Рима» (стр. 59—87)—автор излагает высказывания Маркса и Энгельса по отдельным вопросам и проблемам древней истории, наиболее важными из которых автору представляются следующие: I—, как он определяет сам, — проблема специфики экономического развития Рима, II — народонаселения, III—колоната, IV—внешней политики империи, V— провинций.

Несмотря на многообещающее заявление дать серьезный систематический обзор высказываний Маркса и Энгельса, Н. Х. Юдикис оперирует, однако, лишь теми цитатами, какие имеются в учебниках по истории древнего Рима. В разделе же «Проблемы народонаселения» читатель, к своему удивлению, найдет изложение мысли Энгельса о рабелении Горация и указание на то, что классиками марксизма-ленинизма развенчаны герои буржуазной историографии Марий, Помпей, Цицерон. Однако, в какой связи это стоит с народонаселением и в чем сущность этой проблемы—читателю остается неясным. В разделе о колонате автор пытается приписать Марксу и Энгельсу взгляд, что «варвары, т. е. завоеватели (германские, сарматские, аланские, славянские племена), а не римляне были носителями новой (т. е. феодальной.—А. Н.) формации» (стр. 83). Такая интерпретация не имеет ничего общего с положениями классиков марксизма-ленинизма в этом вопросе, которые считали, что феодализм в Западной Европе возник как синтез феодальных элементов, образовавшихся в результате кризиса рабовладения, и тех черт феодализма, которые были обусловлены процессом разложения первобытно-общинного строя у варварских племен.

В введении к своей другой статье «Юлиев-Клавдиев династия» Н. Х. Юдикис указывает в весьма общей форме на неудовлетворительное освещение истории первой династии римских императоров в буржуазной науке. К сожалению, автор ссылается на общие и уже устаревшие исследования Драгоманова, Гиббона, Монтескье, Шлосера. Здесь же автор отмечает недостатки в освещении этого времени в наших учебниках по древней истории. Однако, поставив своей задачей «до конца осмыслить с марксистско-ленинских позиций факты борьбы императоров с Сенатом, причины жестокого поведения отдельных правителей и причины гибели первой династии» (стр. 140), автор в своей работе весьма далек от ее разрешения.

В работе дана весьма поверхностная декларативная характеристика общественных отношений этого периода; имеются неточности и натяжки. Автор небрежен в толковании источников. Так, вопреки свидетельству Светония (Suet., Cl., 11), автор утверждает, что Клавдий потому пришел к власти, что, появившись в день убийства Калигулы на сходе преторианцев, он пообещал каждому из них по 15 тысяч сестерций. Нельзя отрицать роли подкупа в приходе Клавдия к власти, но в таком случае Н. Х. Юдикису следовало аргументировать свое мнение.

По меньшей мере наивным звучит утверждение автора, что Тиберий не был в состоянии разрешить коренные противоречия рабовладельческого общества, так как он, как пишет автор, не мог изменить экономику Италии и ее нравы. В этом случае позволительно спросить автора, неужели он всерьез полагает, что кто-либо был в состоянии это сделать. Статья Н. Х. Юдикиса содержит ряд неточностей, ошибочных представлений, носит весьма общий, описательный характер и лишена исследовательского интереса.

Труды Воронежского ГУ, т. XXVIII, 1953. Небольшая статья С. Н. Бенклина «Вопросы истории римской республики в произведениях революционных демократов» посвящена выяснению взглядов русских революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского на историю древнего Рима. К сожалению, автор не всегда правильно подходит к истолкованию особенностей исторических взглядов русских революционных демократов.

Нам представляется неправильным исследовательский прием автора, когда посредством отдельных цитат из сочинений революционных демократов С. Н. Бенклин пытается доказать совпадение их взглядов с положениями классиков марксизма-ленинизма, допуская при этом неточности и натяжки. Так, например, автор пишет: «В свете указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина относительно начала римской империи крайне

интересно высказывание В. Г. Белинского: „Октавий только по имени был первым императором, а на деле разве шестым: ибо кто же, как не императоры были: Марий, Сулла, Помпей, Цезарь и Антоний“». Но известно, что у В. И. Ленина и И. В. Сталина нет никаких указаний на то, что Марий и Сулла были первыми римскими императорами. Известно также, что в своих исторических взглядах великие русские революционеры-демократы не поднялись до марксистского понимания исторического процесса, на что указывает и сам автор. С. Н. Бенклев приводит в своей статье их высказывания о Цезаре, например, но не оговаривает своего отношения к ним, что необходимо, так как историк-марксист теперь не может согласиться с этими определениями.

Научные труды Ереванского ГУ, т. XXIV, Ереван, 1951. Небольшая статья Р. А. Ацарьяна «История чтения персидских клинописей» (стр. 130—131) кратко излагает историю дешифровки Гротендумом Бехистунской надписи, а также общие принципы и технику чтения клинописи.

УЗ Пятигорского госпединститута, сб. 5, 1949. Помещенная в сборнике статья проф. Г. А. Максимова «Развитие индивида в рабовладельческом обществе Востока» является частью его общей работы, посвященной вопросу развития личности. Автор пытается выяснить конкретно-исторические условия в развитии индивида и его отношение к обществу и классам, опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма.

Автор правильно определяет значение религии в древневосточном обществе в воспитании человека. Однако, кроме религии, автор не видит других форм идеологии рабовладельческих обществ древнего Востока, в частности литературы, в которой отражается и социальный протест низов и пессимизм некоторых слоев господствующего класса.

По мнению Г. А. Максимовича, и Энгельс отрицал рабство как «главную производственную силу» древневосточного общества. Это утверждение, как известно, не соответствует действительности. Классики марксизма отмечали особенности рабовладения на Востоке, и автору следовало остановиться на том, какими именно чертами отличалось рабство на Востоке.

Г. А. Максимович считает, что различие в положении крестьян и рабов состояло в том, что крестьяне имели семью. Но законы Хаммурапи, например, свидетельствуют о том, что некоторые категории рабов могли иметь семью.

Автор применяет терминологию, модернизирующую отношения древности. Так, он говорит о «зарплате» и «забастовках», о «конкуренции» между свободными и рабами. Как известно, рабы, работавшие по принуждению на своего господина, никогда не могли быть заинтересованы в какого-либо рода соперничестве со свободными производителями. Речь могла идти лишь о конкуренции рабского труда, результатами которого пользовались крупные землевладельцы-рабовладельцы, и труда мелких свободных производителей, т. е. о конкуренции крупных и мелких собственников.

Статья отредактирована весьма небрежно. Автор говорит, например, что «ремеслом занимались в городах и некрополях (разрядка моя.—А. Н.) ремесленники — рабы и свободные». Хотя в сообщении «От редакции» указываются ошибочные положения другой статьи Максимовича, однако новая статья проф. Г. А. Максимовича отличается теми же недостатками, что и предыдущая.

УЗ МОПИ, т. XXVI, Труды Кафедры классической филологии, вып. 1, 1953. Вопросы античности в сборнике посвящены две статьи: А. А. Тахо-Годи «Проблемы античной культуры в Герцена», «О новом переводе „Одиссея“». Автор собрал воедино все высказывания Герцена об античности, разбросанные по 22 томам его сочинений и писем, и попытался впервые систематизировать этот большой, никак еще поднятый материал. Заслугой А. А. Тахо-Годи является то, что она рассматривает взгляды Герцена на античность не статически, а в их изменении и развитии. Автор устанавливает, что до 1848 г. А. И. Герцен интересовался древнегреческой литературой, мифологией, искусством. После поражения революции 1848 г. интерес Герцена к чисто литературным и эстетическим проблемам падает, и его внимание приковывает общественная жизнь Рима.

Значительное место в статье занимает исследование взглядов А. И. Герцена на развитие античной философии. В тех характеристиках и оценках, которые дает Герцен древнегреческим философам, например Фалесу, Пифагору, Гераклиту и др., сказались, как это правильно отмечает автор, слабые и сильные стороны философского мировоззрения Герцена. Исторический материализм, к которому, по словам В. И. Ленина, Герцен «подошел вплотную», позволил ему превзойти все то, что было создано в области исследования греческой философской мысли до Маркса и Энгельса. То, что Герцен не видел недостатков в материализме греческих философов, Тахо-Годи совершенно справедливо относит на счет того, что Герцен не владел всем многообразием материалистической диалектики (стр. 148), и, «остановившись перед историческим материализмом», Герцен не смог показать развитие греческой философии в связи с изменениями в общественном развитии.

Слабой частью работы Тахо-Годи является характеристика взглядов А. И. Герцена на историю античности. Автор не понимает, что в области истории Герцен был идеалистом. Многие проблемы истории античности, разработку которых автор считает заслугой Герцена, на самом деле восходят к буржуазной идеалистической историографии. Так, проблема противоположности восточной и античной культуры, в том плане, в котором ее разрабатывает Герцен, поднята Гегелем, а подчеркивание разрушительной роли христианства в судьбах античного мира, в котором Тахо-Годи видит своеобразную черту исторических взглядов Герцена, объясняется знакомством Герцена со взглядами Гиббона. Попытка автора сопоставить взгляд Герцена на отличительные черты в истории Востока и Запада с мыслями Маркса о характере восточного рабства, а также характеристику Герценом христианства с работой Энгельса «Бруно Бауэр и раннее христианство» с целью доказать, что Герцен предвосхитил Маркса и Энгельса, неправильна в своей основе. Она происходит от непонимания автором того переворота, который произвел марксизм в науке об обществе. Странным является и заявление автора, что советским исследователям классической древности можно руководствоваться мыслями Герцена при изучении отдельных эпох античного мира. Тем не менее работа Тахо-Годи является серьезным научным исследованием, знакомящим нас со взглядами великого русского демократа на античность.

Другая статья А. А. Тахо-Годи является разбором перевода «Одиссеи», сделанного П. А. Шуйским. В свое время¹ этот перевод «Одиссеи» служил предметом рецензии М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровского. Рецензенты полностью отрицали ценность перевода П. А. Шуйского, считая его «неудобочитаемым, непонятным и прямо неверным». А. А. Тахо-Годи, напротив, отмечает принципиально важное значение работы П. А. Шуйского, представляющей, по ее мнению, первый русский научный перевод «Одиссеи» с языка подлинника, хоть и не лишенный серьезных недочетов. Свою оценку нового перевода «Одиссеи» автор аргументирует обстоятельным разбором достоинств и недостатков нового перевода.

А. А. Тахо-Годи правильно отметила главный недочет перевода П. А. Шуйского, объясняющий многие его неточности и ошибки: переводчик пользовался греческим текстом французского издания Одиссеи 1856 г., в то время как за столетие после выхода этого издания были найдены десятки новых папирусов, дающих возможность уточнить многие спорные места текста. Справедливы замечания автора статьи о неровной и несколько упрощенной художественной стороне перевода П. А. Шуйского.

Ученые записки МОПИ, т. XXVIII, 1953. Рецензируемый выпуск включает труды работников кафедры истории древнего мира Московского Областного Педагогического института и посвящен различным проблемам древней истории СССР, истории первобытного общества и этнографии. Выпуск открывает статья покойного заведующего кафедрой МОПИ, выдающегося советского специалиста в области истории первобытного общества, проф. В. К. Никольского: «К вопросу о древнейшей форме религии». Автор рассматривает возникновение религии в связи с изменениями в базисе «стадной

¹ ВДИ, 1950 № 3, стр. 129—133.

общины», с ее превращением в «первоначальную родовую общину». Он уточняет наши представления о первоначальных формах религии, доказывая, что анимизм сам по себе еще не являлся религией, а лишь дорелигиозными темными представлениями человека о самом себе и окружающей его природе.

Статья проф. И. Д. П а н ц х а в а «Колхидская риторическая школа и ее значение в развитии общественной мысли древней Грузии» посвящена мало разработанной проблеме идеологии грузинского общества в период перехода к феодализму. В начале статьи содержится общая характеристика социально-экономических и политических отношений в Грузии IV—VII вв. Затем характеризуется колхидская риторическая школа, выдвинувшая ряд видных представителей философской мысли. К сожалению, автор не исследует, насколько приводимые им образцы речей ораторов отражают действительное состояние философии в лазском государстве, а не являются риторическими упражнениями византийцев.

Статья А. Г. К о с т и к о в о й «Восстание Савмака» не может быть названа научной работой. Эта статья не основана на самостоятельном изучении источников. В упрощенной и вульгаризированной форме автор излагает взгляды акад. С. А. Жебелева, не выясняя того, как изменялась точка зрения выдающегося русского исследователя на события в Боспорском царстве. Автор игнорирует все то, что было сделано в советской науке после смерти С. А. Жебелева в области изучения Боспора и источников о Савмаке. С удивительным пренебрежением молодой автор отзывается о работах советских ученых, взгляды которых почему-либо не совпадают с его собственными. А. Г. Костикова весьма поверхностно и небрежно толкует источники в тех редких случаях, когда она к ним обращается.

Примером верхоглядства является «разбор» автором монет, приписываемых Савмаку. Легенду на этих монетах автор передает русскими буквами: САВМ, хотя в легенде нет последней буквы *μ*, а есть лишь *λ*. Известно, что К. В. Голенко и Д. Г. Капанадзе привели свои соображения в пользу принадлежности монет с надписью САВΛ не боспорскому царю Савмаку а колхидскому царю Саулаку¹. Заслуживает особого внимания также и тот факт, что все монеты, якобы принадлежащие Савмаку, найдены на территории Колхиды. Немаловажно и то обстоятельство, что тип монеты с легендой *σαυλ* отличается от типа боспорских монет. Савмак правил Боспором менее года, и за столь короткий срок, к тому же еще в весьма напряженной обстановке, нельзя было наладить выпуск монет нового типа. А. Г. Костикова могла не согласиться с этими соображениями, но во всяком случае в специальной работе о восстании Савмака автору следовало на них остановиться. Вместо этого, не приводя никаких оснований в пользу своего мнения, Костикова голословно заявляет, что мнение К. В. Голенко и Д. Г. Капанадзе не имеет достаточных оснований.

Вызывает недоумение утверждение автора, что при жизни С. А. Жебелева сохранность декрета в честь Диофанта была лучшей, чем теперь (стр. 156); после 1933 г., когда С. А. Жебелев в последний раз работал над декретом, памятник этот, находящийся в Эрмитаже, не подвергся в какой-либо мере разрушению.

Выводы автора, хотя они вовсе не подкреплены источниками, сделаны в весьма категорической, безапелляционной форме. Так, например, с необыкновенной легкостью Костикова говорит о переменах «в области производства, базисе и политической надстройке», которые произошли в боспорском государстве ко времени этого восстания, не приводя в пользу этого заключения никаких фактов и соображений.

Помещение столь легковесной и поверхностной статьи А. Г. Костиковой в Ученых записках Московского областного Педагогического института не только компрометирует кафедру истории древнего мира, но вместе с тем служит тревожным сигналом неблагоприятного положения подготовки научных кадров через аспирантуру в этом институте.

¹ К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199—203; Д. Г. Капанадзе. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 203—204.

Труды Пржевальского учительского института им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1952. В выпуске помещена статья И. А. Р о б у ш а: «Некоторые вопросы возникновения рабовладельческой общественно-экономической формации в свете сталинского учения о базисе и надстройке». Используя труды классиков марксизма-ленинизма, автор рассматривает переходный период от доклассового, первобытного общества к рабовладельческому и приходит к выводу, впрочем давно уже установившемуся в нашей исторической науке, что основными производственными отношениями, определяющими характер и направление этого перехода, были патриархально-рабовладельческие, не представляющие еще базиса рабовладельческого общества (стр. 83). Победа патриархального права, как отмечает автор, способствовала утверждению нового базиса. И. А. Робуш прав, считая, что военная демократия представляла своеобразную надстройку над экономикой переходного периода от доклассового общества к классовому. Но автору не удалось показать двойственное положение родовой знати, стремившейся, с одной стороны, к сохранению первобытно-общинных отношений, как опоры своего могущества, и, с другой стороны, пытавшейся использовать рост новых частнособственнических отношений для увеличения своего богатства.

Научное разрешение вопроса о возникновении рабовладельческого общества и рабовладельческого государства у греков и римлян немислимо без критики исторической традиции. Автор же не только не делает попытки элементарной критики источников, но даже не упоминает о них. Выводы Энгельса о возникновении государства автор подтверждает теми же примерами, которые содержатся в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Между тем в распоряжении современной науки имеется больший материал, чем тот, которым пользовался Энгельс.

Излагая переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому в Риме, автор основывается на так называемой реформе Сервия Туллия. Но значение этой реформы может быть понято лишь при выяснении хотя бы относительной ее хронологии. Некритическое отношение к традиции приводит к тому, что эта реформа, по смыслу являющаяся завершающим этапом борьбы патрициев и плебеев и окончательным испровержением родовых отношений, рассматривается автором в качестве ее исходного пункта.

Научные работы студентов Воронежского университета, Воронеж, 1952. Исследование колоната Поздней римской империи принадлежит к числу вопросов, представляющих большой научный интерес. Вместе с тем при выборе темы студенческой работы должно быть обращено внимание не только на значение темы, но и на то, в какой мере ее исследование доступно студенту. Это замечание тем более относится к общим большим проблемам античной истории. Студенческое исследование лучше посвящать отдельному частному вопросу, что дает большую возможность самостоятельного толкования студентом того или иного вопроса и исчерпывающего привлечения источников. Если посмотреть под этим углом зрения на работу студента IV курса Воронежского университета В. С. Г о л о в и н а, посвященную проблеме позднего колоната, то, несмотря на известную начитанность автора, нельзя не признать, что работа в общем лишена исследовательского характера. Этот недостаток работы, повидимому, следует объяснять тем, что научный руководитель, выбрав или одобрив для студента такую тему, поставил перед ним непосильную задачу. Автору оказались недоступными юридические и эпиграфические памятники. К сожалению, автор не учел исследование А. Б. Рановича о колонате в римской империи.

Сборник студенческих работ Среднеазиатского Государственного университета, вып. 9, Ташкент, 1951. В сборнике помещена статья студента V курса В. М. М а с с о н а «Из истории древнего Согда», история которого еще мало разработана. Автор попытался осветить социально-экономическую историю Согда. Тщательно используя скудные данные литературных источников, привлекая археологический и нумизматический материал, автор дает картину городской жизни Согда, привлекая также результаты раскопок соседнего Хорезма. В. М. Массон выступает против утверждения буржуазных историков о большой строительной деятельности греко-македонских завоевателей в Согде.

В. М. Массон предлагает свою периодизацию древнего Согда, согласно которой формирование рабовладельческих отношений и образование раннерабовладельческого государства в Согдиане относится к VI—V вв. до н. э., а возникновение развитого рабовладельческого общества — ко II в. до н. э.

Работа содержит ряд неудачных формулировок, затрудняющих ее чтение и понимание. Например, «со II в. до н. э. окончательное оформление согдийского государства, формы которого осложняются политической обстановкой» (стр. 69). Неясно, что автор понимает под «модернизированием феодализма» буржуазными учеными (стр. 60).

В студенческих работах не указывается научный руководитель студента. Создается впечатление, будто научные руководители снимают с себя ответственность за качество студенческих работ.

А. И. Немировский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАДЖИКИСТАНА

Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, 314 стр. + таблицы, тираж 1500 экз., цена 21 р. 90 к.

Выход в свет второго тома Трудов Таджикской археологической экспедиции значительно пополняет литературу по археологии Средней Азии. Исследования Таджикской археологической экспедиции охватили большую часть территории Таджикистана, положив начало систематическому археологическому изучению Таджикской ССР. Полученные в ходе работ материалы, в том числе замечательные памятники согдийского искусства, позволяют по-новому ставить и решать многие вопросы истории и культуры таджикского народа и всей Средней Азии в целом.

Второй том Трудов экспедиции посвящен памяти одного из крупнейших советских востоковедов — А. Ю. Якубовского. Том содержит 14 статей, хронику работ экспедиции с 1946 по 1951 гг. и библиографию работ экспедиции.

Труды открываются вводной статьей А. Ю. Якубовского, где дан общий обзор работ ТАЭ, поставлены теоретические вопросы, и намечаются конкретные задачи ТАЭ. Результатам работы экспедиции в Пянджикенте посвящено семь статей. Статья А. М. Беленицкого «Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг.» (стр. 21—58), в течение ряда лет руководящего археологическими исследованиями на городище Пянджикент, содержит описание обнаруженной в помещениях храмов сцена оплакивания покойника, ритуального пиришества, моления и др. Как показали стратиграфические наблюдения, Пянджикент не является однослойным памятником (стр. 26, 53). Тщательное изучение одного из храмов (объект I) позволило А. М. Беленицкому установить, что первоначальный план его был сильно изменен позднейшими пристройками. Однако отсутствие в статье разрезов и данных о нивелировке городища затрудняет установление стратиграфии памятника. Вызывает сомнение отнесение некоторых предметов к числу культовых, например колокольчика, железной ложечки и лопатки (стр. 31—32). Что же касается местного происхождения архитектуры пянджикентских храмов (стр. 12, 58), то в свете открытий последних лет (раскопки храма в Баласагуне, открытие храма Сурх Котал в северном Афганистане) этот вопрос требует дальнейшего исследования.

В небольшой статье Б. Я. Ставиского (стр. 59—63) изложены итоги работ в юго-восточной части городища, где раскопками было обнаружено жилое здание (объект V). Изучение этого здания представляет интерес для выяснения социальной принадлежности обитателей подобных домов.

В статье Б. Я. Ставиского, О. Г. Большакова и Е. А. Мончадской «Пянджикентский некрополь» (стр. 64—98) содержится описание и анализ наусов, исследованных в 1948—1950 гг. Наусы Пянджикента представляют собой не-